

УДК 821.16
ББК 83.3 Франц.

А.Ю. Чернухин

**«ПОЭТИКА РУИН»
В ТВОРЧЕСТВЕ
ШАТОБРИАНА
1800-Х – 1820-Х ГОДОВ**

Исследуется теоретическое осмысление и художественное воплощение темы руин в творчестве Шатобриана 1800-х – 1820-х гг. В аспекте «поэтики руин» анализируются «Гений христианства», повести «Атала» и «Рене», а также «Путешествие по Италии» и новелла «История последнего из Абенсерахов». Рассматриваются эстетический, религиозный, психологический и художественный аспекты. Прослеживается связь с эпохой Просвещения, с эстетическими воззрениями Дидро.

Ключевые слова: Шатобриан, «поэтика руин», романтизм, психологизм, романтический историзм, Дидро.

DOI 10.23683/1995-0640-2018-1-38-46

Чернухин Андрей Юрьевич – ст. преподаватель кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7 903 473 7070
E-mail: a_cher@inbox.ru

© Чернухин А.Ю., 2018.

Тема руин имеет довольно давнюю литературную традицию. Осознанный же интерес, увлечение руинами, возникает во второй половине XVIII в., когда делаются первые попытки осмысления их эстетической функции (Д. Дидро, Б. де Сен-Пьер), когда, например, в английском «готическом романе» руины становятся непременным атрибутом художественного мира. Однако о поэтике руин как о важной составляющей эстетической системы можно, пожалуй, говорить лишь в связи с творчеством Шатобриана, хотя само выражение «поэтика руин» принадлежит Д. Дидро. Шатобриан, известный как «певец мировой скорби», с не меньшим основанием может быть назван и «певцом руин»; и именно под влиянием Шатобриана этот мотив занял одно из центральных мест в литературе романтизма.

Дидро, конечно, не был первым, кого привлекли руины как объект художественного изображения, – он опирался на уже сложившуюся традицию [Пахсарьян, 2011]. Но роль его заключается, прежде всего, в том, что он в своем знаменитом «Салоне 1767 года» со всей определенностью заявил: «... *оскольку вы посвятили себя живописанию руин, знайте же, что этот жанр имеет свою поэтику*» [Diderot, 1821, p. 370], и попытался эту поэтику наметить, хотя бы в самых общих чертах. Изображение руин, по Дидро, неизбежно несет в себе образ брэнного мира, но также влечет размышления о непреодолимой дихотомии брэнности и вечности: «*Руины пробуждают во мне возвышенные мысли. Все уничтожается, все погибает, все*

проходит. Только мир остается. Только время длится. Как стар этот мир! Мой путь лежит между двух вечностей. Куда бы ни обратил я взоры, все, что окружает меня, возвещает мне о неизбежном конце и побуждает смириться с тем, что меня ожидает» [Diderot, 1821, p. 371]. Отмечает он, конечно, и живописный аспект руин, фиксируя тенденцию, которая входит в моду в парковой культуре XVIII в.: «Чтобы сделать дворец достойным внимания, надо превратить его в руины» [Ibid., p. 386]. Наконец, он обращает внимание и на психологический аспект: «Если руины страшны, я трепещу. Если меня ждет там уединение и покой, я ощущаю себя более свободным, более одиноким, более принадлежу себе, ближе к себе самому» [Ibid., p. 372]. Все эти мотивы получают свое продолжение уже в романтическую эпоху.

Некоторые аспекты шатобриановской «поэтики руин» исследовали Р. Мортье (R. Mortier), Ж.-П. Клеман (J.-P. Clément), П. Глод (P. Glaudes), Н. Пахсарьян. Ж.-П. Клеман утверждает, что Шатобриан представил самое прекрасное и самое глубокое изображение римских развалин во французской литературе [Clément, 2007]. Р. Мортье отмечает, что за исключением мотивов христианского спиритуализма, трактовка темы руин у Шатобриана довольно сходна с трактовкой Дидро [Mortier, 1974, p. 177]. Однако этим сходством проблема не ограничивается. Цель данной статьи – определить, какое развитие получает «поэтика руин» в творчестве Шатобриана.

Рассмотрим особенности изображения руин и их художественную функцию в повестях Шатобриана «Атала» и «Рене» с учетом их теоретического осмысления в «Гении христианства». И далее, проследим развитие этой темы в «Путешествии по Италии» и в новелле «История последнего из Абенсеррахов».

«Атала» завершается рассказом дочери Рене и Селюты о последнем посещении Шактасом уничтоженной миссии отца Обри и о его поисках останков священника и Аталы. Выслушав эту печальную историю, рассказчик (автор) восклицает, как бы подводя итог всему повествованию: «Так проходит все, что было хорошего, добродетельного, чувствительного на земле! Человек, ты всего лишь быстрый сон, болезненная греза, ты существуешь только благодаря несчастью; ты являешься чем-то только благодаря печали твоей души и извечной меланхолии твоей мысли!» [Chateaubriand, 1971, p. 136]. Конечно, это ощущение бренности человеческого существования вызвано в первую очередь трагическим рассказом о судьбе Аталы и Шактаса. Но и образ развалин возникает здесь, как нам кажется, не случайно. Обратимся к «Гению христианства», в текст которого по первоначальному замыслу входила «Атала».

Религиозно-эстетический трактат Шатобриана «Гений христианства» (1802) принес автору славу «реставратора готического собора» (Т. Готье) и обозначил не только начало романтического движения во Франции, но и «религиозное возрождение» после десятилетия гонений и забвения. Цель своего труда автор обозначил следующим образом: «доказать, что из всех существовавших когда-либо религий христиан-

ская религия наиболее поэтичная, наиболее человечная, более всего благоприятствует свободе, искусствам и литературе...» [Chateaubriand, 1966, I, p. 57]. В системе аргументов, приводимых Шатобрианом в трактате для достижения указанной цели, важное место занимает тема руин. По утверждению Р. Мортье, «несмотря на свое классическое образование, Шатобриан воспринимает руины как христианский моралист» [Mortier, 1974, p. 179]. В трактате руинам специально посвящены три главы (гл. III «О руинах вообще», гл. IV «Живописный эффект руин», гл. V «Руины христианских памятников»), входящие в пятую книгу третьей части. Уже заглавие кн. V – «О гармонической связи христианской религии с природой и страстями человеческого сердца» – позволяет предположить, что для Шатобриана руины не просто часть ландшафта, украшающая повествование, и интересуют они его не только сами по себе, но и в религиозном, философском и психологическом аспектах. Это предположение подтверждается текстом: *«Каждый человек испытывает тайное влечение к руинам. Чувство это проистекает из хрупкости нашей природы, из скрытого соответствия между этими картинами разрушения и быстротечностью нашего существования»* [Chateaubriand, 1966, II, p. 40]. Далее следует еще одно важнейшее утверждение: *«...руины освещают природу ярким светом нравственности...»* [Ibid.].

Полное соответствие концовки «Аталы» этим размышлениям очевидно. Это позволяет утверждать, что образ руин, мимолетно возникающий в финале повести, призван, с одной стороны, оттенить общий трагически-меланхолический настрой произведения (оба эти чувства присутствуют в «Атале», как и богатая гамма оттенков, лежащих, так сказать, между ними); с другой стороны, он подчеркивает тот религиозно-нравственный урок, который читатель должен вынести из повествования. Этот второй, дидактический аспект для Шатобриана очень важен, что косвенно подтверждается распространенным в критике мнением о глубокой преемственной связи «Аталы» с морализирующим XVIII веком [Mogeaу, 1967, p. 189]. К тому же, по первоначальному замыслу, «Атала» должна была служить иллюстрацией именно к книге пятой трактата, посвященной гармоничности христианской религии.

Изображение руин в «Рене» связано с посещением главным героем остатков древних монументов Греции и Рима. Среди развалин Рене рассуждает о некогда великих цивилизациях, ныне поверженных в прах, о могущественных правителях, чьи дела и даже имена теперь забыты, и только могилы напоминают об их былом величии. Весь эпизод пронизан все тем же ощущением бренности человеческого существования: *«Сила природы и слабость человека! даже травинка часто может проникнуть сквозь самый крепкий мрамор этих надгробий, которые все эти могущественные мертвецы никогда не смогут приподнять!»* [Chateaubriand, 1971, p. 148]. Острое чувство времени, присущее всему творчеству Шатобриана, особенно ярко проявилось в этом отрывке, причем оно не сводится только к христианской идее о преходящем характере человеческой жизни, о ничтожности и бренности людских деяний

перед лицом вечности. Шатобриан ощущает неумолимый ход истории, сметающий цивилизации, предающий забвению и королей, и простых смертных: «*Время сделало шаг, и облик мира изменился*» [Chateaubriand, 1971, p. 149]. Именно созерцание руин наводит Рене на размышления о природе времени: «*Прошлое и настоящее – это две статуи, в которых чего-то не хватает: первая была извлечена искаленной из вековых руин, вторая еще не достигла своего будущего совершенства*» [Chateaubriand, 1971, p. 151]. В земном мире нет ничего вечного и неизменного, одно подвергается разрушению, другое находится в процессе становления, нет застывших форм.

Описанию развалин непосредственно предшествует рассуждение Рене о монастырях, завершающееся словами: «*О люди, жившие вдали от мира и перешедшие от молчания жизни к молчанию смерти, каким отвращением к миру наполняет мое сердце вид ваших могил!*» [Chateaubriand, 1971, p. 148].

Интересно, что в композиционном плане (как и в идейном) этот отрывок из «Рене» представляет собой полную параллель «Гению христианства», где глава о руинах также следует за главой о монастырях. В другом месте, в главе, посвященной готической архитектуре, Шатобриан говорит о том, что созерцание церквей и монастырей вызывает в памяти давно забытые времена, «*которые кажутся нам чудесными, и чем больше эти времена удалены в прошлое, тем больше это наводит нас на мысли, которые всегда заканчиваются размышлением о небытии и быстротечности человеческой жизни*» [Chateaubriand, 1966, I, p. 400]. Психологический эффект тот же, что и у руин, поэтому руины, монастыри и церкви, а также могилы (которым посвящена вся вторая книга четвертой части трактата) как бы объединяются в единый комплекс по принципу общности психологического воздействия на человека и сходства их символического значения в художественном произведении.

Эти два аспекта очень важны для понимания шатобриановской «поэтики руин». Руины возникают в «Рене» не только как особенность «местного колорита». Этот образ способствует более точной передаче внутреннего мира главного героя и соотносится с его состоянием душевной надломленности и романтической скорби. Примером подобной психологизации руин, даже своего рода «антропоморфизма», может служить хотя бы такая блестящая фраза из «Рене»: «*Иногда высокая колонна одиноко вырисовывалась на фоне пустыни, как прекрасная мысль возникает иногда в душе, которую опустошили время и несчастья*» [Chateaubriand, 1971, p. 148]. Руины, пишет Шатобриан в «Гении христианства», это «*прекрасные аккорды печали*» [Chateaubriand, 1966, II, p. 43]. Они способствуют возникновению определенного настроения и одновременно помогают передать его в художественном произведении. Эта двойная функция руин является характерной особенностью эстетики Шатобриана: любой факт, любое явление действительности, даже если речь не идет собственно о поэтике, рассматривается им, кроме

всего прочего, и с точки зрения, так сказать, литературно-живописной, т. е. оно относится одновременно к области объективной реальности, к области психологии и к области собственно поэтической. Подобное образно-поэтическое мышление – неотъемлемая черта художественного мира Шатобриана, и только требованиями живописности можно объяснить появление в религиозно-эстетическом трактате такой, например, фразы: «*Шакал, стоящий на большом пьедестале, вытягивает свою волчью морду из-за бюста Пана с бараньей головой*» [Chateaubriand, 1966, II, p. 43]. Шатобриан пишет, что, изображенные на *картине*, руины всегда приковывают взгляд [Ibid., p. 40], что на *картине* руины более живописны, чем целые, не разрушенные здания [Ibid., p. 42]. Примеры можно было бы множить, но достаточно привести такую красноречивую фразу из «Рене»: «...на западе, Месшасебе катила свои волны в великолетном молчании и образывала раму картины» [Chateaubriand, 1971, p. 143]. Мир предстает как картина, Шатобриан видит его «глазами художника» [Moreau, 1967, p. 189].

Следующий важный текст, в котором тема руин получает дальнейшее развитие – «Письмо г-ну де Фонтану», датированное 10 января 1804 г., получившее впоследствии широкую известность под названием «Письмо об окрестностях Рима», было напечатано в «Меркюр» 3 марта 1804 г. Много позже Шатобриан включил его в текст «Путешествия по Италии» (1826), который он этим письмом завершил и, можно сказать, увенчал.

Фактический и психологический контекст «Письма г-ну де Фонтану» таков.

В 1803 г. Наполеон назначил Шатобриана секретарем посольства в Италии. Отношения писателя с послом, кардиналом Фешем, дядей Наполеона, не сложились, что привело к отставке Шатобриана уже через полгода, в конце ноября 1803 г.

Следует упомянуть еще одно важное событие, которое повлияло на его умонастроение во время пребывания в Италии. Полин де Бомон, на тот момент уже бывшая его возлюбленная, будучи тяжело больной, последовала за ним в Италию. Шатобриан был очень тронут, снял ей небольшой дом в Риме, ухаживал за ней все ее последние дни. Полин умерла от туберкулеза 4 ноября 1803 г. у него на руках. И это, может быть, главная причина тех настроений меланхолии, тоски и даже безысходности, которыми окрашены «Письмо г-ну де Фонтану» и «Путешествие по Италии». На этом эмоциональном фоне тема руин в текстах Шатобриана возникает совершенно закономерно.

Уже в самом начале письма, во втором абзаце, появляется образ руин, который сразу же сопрягается с мотивом смерти, важнейшим в этом тексте: «*вы повсюду видите руины акведуков и надгробий, которые кажутся лесами и травами, произрастающими на земле, состоящей из праха мертвецов и обломков империй*» [Chateaubriand, 1836, p. 71].

«*Вы чувствуете, что они (руины. – А.Ч.) могут принимать разные обличья, в зависимости от воспоминаний, которые с ними связаны*» [Ibid.,

р. 79]. Памятники былого величия Римской империи привлекают его не как любознательного путешественника, любителя археологии – размышления на тему руин несут в себе заряд эмоционально-эстетический.

Показательно, что в «Письме г-ну де Фонтану» языческие развалины не противопоставлены христианству, скорее, наоборот: *«как только солнце скрылось за горизонтом, звон колокола собора Святого Петра зазвучал под портиками Колизея»* [Ibid., p. 80]. Установившееся таким образом соответствие звучания *«двух самых величественных монументов Рима языческого и Рима христианского»* приводит Шатобриана к размышлениям о бренности всего сущего: *«современное здание будет разрушено так же, как и здание античное, монументы сменяют друг друга так же, как и люди, которые их воздвигли»* [Ibid.].

В описании второго посещения развалин Колизея размышления о быстротечности жизни сменяются размышлениями о смерти. Ассоциативный ряд образов – *«смерть отшельника», «высохшая (т.е. мертвая) трава», «болезненные воспоминания»* (недавняя смерть Полин де Бомон), *«суровое время года»* – завершается сентенцией, в которой эти мотивы выражены эксплицитно: *«Именно так, дорогой друг, мы получаем на каждом шагу предупреждения о грядущем небытии. Человек ищет вонне повод, чтобы в этом убедиться; он размышляет о развалинах монументов древних империй; он не думает о том, что он сам – руины еще более шаткие, и что он будет повержен раньше этих обломков!»* [Chateaubriand, 1836, p. 81]. Чтобы еще больше усилить эффект, в издании «Путешествия по Италии» 1827 года Шатобриан делает примечание: *«Человека, которому было адресовано это письмо, больше нет!»* [Ibid.]. В итоге мы отчетливо ощущаем, что отстраненное, объективированное изображение окружающего мира уступает место интимным переживаниям и игре воображения.

Но здесь возникает интересная оппозиция: смерть, которая разрушает все, и попытка «остановить мгновение». Постепенно вырисовывается «тема словесного искусства как вечной культуры, торжествующей во времени над природой и «материальной культурой»» [Пахсарьян, 2011]. В недрах трагической концепция разрушительного хода времени, которому ничто не способно противостоять, растет осознание того, что только искусство способно сохранить оставшиеся руины.

В «Письме г-ну де Фонтану» тема руин не ограничена только содер­жательным, образным и психологическим уровнями текста. Она усиливается намеренно фрагментарной, «разрушенной» композицией («система прекрасных отрывков», по выражению Сент-Бева [Glaudes, 2008]). Как следствие, само письмо в некотором смысле превращается в руины: *«я посылаю вам это нагромождение руин, делайте с ними все, что вам будет угодно»*. Перед нами текст как собрание фрагментов, отрывков, *«листы бумаги, разбросанные по письменному столу»* [Chateaubriand, 1836, p. 91].

«Письмо г-ну де Фонтану» представляет новый этап в осмыслении Шатобрианом темы руин. Он, очевидно, сам это осознает – не случайно

в одном из примечаний к «Путешествию по Италии» он категорично заявляет: *«То, что я говорил об искусстве в “Гении христианства”, весьма ограничено и часто ложно. В то время я не видел ни Италии, ни Греции, ни Египта»* [Chateaubriand, 1836, p. 51]. Вывод ясен: личные впечатления для него важнее рациональных рассуждений.

Художественно-поэтический и религиозный аспекты мотива руин очень ярко проявились в «Истории последнего из Абенсеррахов», опубликованной в 1826 г. в Собрании сочинений Шатобриана, но написанной, как он сам говорит в предисловии, двадцатью годами ранее. В новелле образ развалин не только служит одним из средств для раскрытия идейного содержания и психологического состояния героя, но и является структурообразующим элементом и играет важную роль в композиции произведения. Уже на первой странице говорится о том, что Абенсеррахи после изгнания из Гранады поселились в разрушенном Карфагене. С одной стороны, этим подчеркивается контраст их нынешнего положения с былым величием, а с другой – предсказывает их дальнейшую судьбу, окончательную гибель рода.

Следующее упоминание о руинах – мавританского происхождения – существенная деталь в психологическом портрете главного героя Абен-Хамета, указывающая не только на его печаль и тоску по прошлому (*«он прятался среди развалин, чтобы дать волю слезам»* [Chateaubriand, 1971, p. 189]), но и намекающая на его желание отомстить, о котором еще прямо ни разу не говорилось.

Одним из центральных эпизодов новеллы является посещение Абен-Хаметом и доньей Бланкой развалин Альгамбры, древней резиденции королей Гранады, предков Абен-Хамета, побежденных предками Бланки. Именно здесь происходит их объяснение в любви, здесь они дают друг другу клятву верности. Но руины Альгамбры превращаются в символ невозможности их любви, потому что как раз роду Бланки собирался мстить Абен-Хамет, отправляясь в Испанию. Развалины Альгамбры становятся местом неразрешимого столкновения двух религий, двух цивилизаций.

И, наконец, образ руин вновь возникает в концовке новеллы: после разлуки с Абен-Хаметом донья Бланка остаток своих дней провела в Альгамбре, а последний из Абенсеррахов упокоился на кладбище у развалин Карфагена – там же, откуда он отправился в путь. Повествование вернулось к исходной точке, завершившись там, где и началось – среди руин.

Таким образом, в этой новелле мотив руин получает дальнейшее развитие, намеченное еще в «Гении христианства». Развалины Карфагена и Альгамбры – дело рук человеческих, а об этом типе руин в трактате говорится следующее: *«Руины другого рода – скорее плоды разрушения, чем руины, они являют образ небытия и безысходности. Их источник – бедствия, а не время, они напоминают седые волосы на голове юноши»* [Chateaubriand, 1966, II, p. 40]. Здесь преобладает именно чувство безысходности и небытия, а не ощущение неумолимого хода времени.

Разрушения, совершаемые человеком, более жестоки и гораздо менее живописны (деталь, очень существенная для Шатобриана), и поэтому вид их вызывает не состояние умиротворенности и тихой меланхолии, как созерцание естественных руин, а отчаяние и сомнения. Глава завершается словами: «...сам человек – всего лишь рухнувшее здание, обломок греха и смерти; его жалкая любовь, его шаткая вера, его скудное милосердие, его слабые чувства, его недостойные мысли, его разбитое сердце – все это одни руины» [Chateaubriand, 1966, II, p. 42].

Подводя итог всему вышесказанному, подчеркнем, что «поэтика руин» представляет собой важнейший аспект системы эстетических воззрений Шатобриана и его художественного мира, как в фокусе собирающий многие главные мотивы его творчества. «Поэтика руин» – это одно из своеобразных проявлений шатобриановского историзма, в котором религиозное чувство бренности земного бытия соединяется с ощущением неизбежного хода времени. Изображение руин включает в статичный пейзаж выраженный временной аспект. Кроме того, руины у Шатобриана не абстрактно-отвлеченные, так сказать, руины «вообще», как в «готическом романе», а руины исторически детерминированные: греческие, римские, средневековые, с присущим им одним своеобразием, с гармоническим соответствием окружающей природе.

Рисуя образы руин, Шатобриан не ограничивается миметическим изображением, пейзаж внешний превращается у него в пейзаж внутренний, в котором главенствующую роль играют воспоминания, мечты, воображение. Несмотря на устойчивое мнение об оторванности шатобриановского героя от мира, это верно только с одной стороны. А с другой (и «поэтика руин» служит тому подтверждением) – устанавливается четкая корреляция между внешней действительностью и, шире, космосом, и психологическим состоянием человека. Мир в руинах и руины в душе – такова шатобриановская «болезнь века», основа его мироощущения и эстетики.

Литература и источники

Пахсарьян Н.Т. Тема руин во французской литературе XVIII века. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://natapa.msk.ru/bibliograficheskiy-ukazatel/tema-ruin-vo-frantsuzskoy-literature-xviii-veka.html#> (дата обращения 20.10.2017).

Chateaubriand F.-R. Atala. René. Les Aventures du dernier Abencerage. Édition présentée, établie et annotée par Pierre Moreau. P.: Gallimard, 1971. 306 p.

Chateaubriand F.-R. Génie du Christianisme. Édition établie par Pierre Reboule. P.: Garnier-Flammarion, 1966. T. I. 511 p. T. II. 504 p.

Chateaubriand F.-R. Voyage en Italie. // Œuvres complètes de M. le vicomte de Chateaubriand. T.13. P.: Pourrat frères, 1836. 362 p.

Clément J.-P. Chateaubriand et la «fièvre des ruines». 2007. URL: <http://anabases.revues.org/3185>, (page consultée 19.10.2017).

Diderot D. Salons. Tome II. Salon de 1767. P.: Brière, 1821. 496 p.

Glaudes P. Signes opaques, signes sublimes, signes du temps. La Lettre à Fontanes sur la campagne romaine de Chateaubriand. 2008. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document871.php>, (page consultée 19.10.2017).

Moreau P. Chateaubriand. P.: Hatier, 1967. 275 p.

Mortier R. La poésie des ruines en France: ses origines, ses variations, de la Renaissance à Victor Hugo. Genève: Librairie Droz, 1974. 237 p.

References

Pakhsaryan N. *Tema ruin vo frantsuzskoy literature XVIII veka*. 2011. Available at: <http://natapa.msk.ru/bibliograficheskiy-ukazatel/tema-ruin-vo-frantsuzskoy-literature-xviii-veka.html#> (accessed on: 20.10.2017). (In Russian).

Chateaubriand F.-R. Atala. *René. Les Aventures du dernier Abencerrage*. Édition présentée, établie et annotée par Pierre Moreau. P.: Gallimard, 1971. 306 p. (In French).

Chateaubriand F.-R. *Génie du Christianisme*. Édition établie par Pierre Reboule. – P.? Garnier-Flammarion, 1966. T. I. 511 p. T. II. 504 p. (In French).

Chateaubriand F.-R. Voyage en Italie. // *Œuvres complètes de M. le vicomte de Chateaubriand. T.13*. P.? Pourrat frères, 1836. 362 p. (In French).

Clément J.-P. *Chateaubriand et la « fièvre des ruines »*. 2007. URL? <http://anabases.revues.org/3185>, (accessed on? 19.10.2017). (In French).

Diderot D. *Salons. Tome II. Salon de 1767*. P.? Brière, 1821. 496 p. (In French).

Glaudes P. *Signes opaques, signes sublimes, signes du temps. La Lettre à Fontanes sur la campagne romaine de Chateaubriand*. 2008. URL? <http://www.fabula.org/colloques/document871.php>, (accessed on? 19.10.2017). (In French).

Moreau P. *Chateaubriand*. P.: Hatier, 1967. 275 p. (In French).

Mortier R. *La poésie des ruines en France? ses origines, ses variations, de la Renaissance à Victor Hugo*. Genève? Librairie Droz, 1974. 237 p. (In French).

Andrey Yu. Chernukhin (Rostov-on-Don, Russian Federation) **“Ruin Poetics” in Chateaubriand’s Works of the 1800s – 1820s**

The article studies the comprehension and artistic realization of ruin theme in Chateaubriand’s creative works over the period of 1800s– 1820s. In terms of “ruin poetics” “The Genius of Christianity”, short novels “Atala” and “Ren” as well as “Voyage en Italie” and a short story “The Adventures of the Last Abencerrage” are analyzed. The aesthetic, religious, psychological and artistic aspects are considered. The links with the Enlightenment epoch and Diderot’s aesthetical views are observed.

Key words: *Chateaubriand, “ruin poetics”, romanticism, psychologism, romantic historicism, Diderot.*

Andrey Yu. Chernukhin – senior lecturer of the Department of Theory and History of the World Literature, Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern Federal University. Phone: +7-903-473-70-70; e-mail? a_cher@inbox.ru